

Е.П. Островская

Ленинградская буддология в начале 1930-х годов¹

Статья посвящена реконструкции и анализу историко-культурной ситуации, сложившейся вокруг Санкт-Петербургской буддологической школы в начале 1930-х годов, когда проблематика классического востоковедения активно вытеснялась из научно-исследовательских программ АН СССР. Пытаясь сохранить свою научную школу, академик Ф.И. Щербатской сблизил тематику ее исследований с вопросами изучения источников по тибетской медицине, так как советское государство делало преимущественную ставку на развитие естественных наук и опыт тибетской медицины регулярно изучался на базе буддийских монастырей Бурятии. Но этот тактический маневр не спас ленинградских буддологов от подозрений в идеологической нелояльности.

Ключевые слова: классическое востоковедение, буддология, Санкт-Петербургская буддологическая школа.

В публикациях по истории отечественного востоковедения причины кадрового демонтажа Санкт-Петербургской (Ленинградской) буддологической школы преимущественно связываются с идеологическим фактором и политической наивностью академика Ф.И. Щербатского, не сумевшего предвидеть трагические последствия социальной ротации в науке (см.: Васильков, 1989, с. 202–210; Лысенко, 2007, с. 133; Вигасин, 2008, с. 268–269). Наиболее емко эта позиция выражена А.А. Вигасиным в его очерке «Федор Ипполитович Щербатской»: «В начале двадцатых годов Ф.И. Щербатской призывал С.Ф. Ольденбурга „заклеймить“ М.И. Ростовцева за то, что тот осуждал руководство Академии, согласившейся сотрудничать с советской властью. М.И. Ростовцев писал, что „большевики лишь терпят Академию и университеты“, пока не могут заменить их „красной профессурой“ — „верными слугами режима“. В тридцатые годы наш замечательный индолог должен был убедиться в прозорливости своего оппонента. Свобода науки от политики оказалась иллюзией — и эта иллюзия была развеяна самым безжалостным образом» (Вигасин, 2008, с. 269). Однако причины трагедии, постигшей отечественную буддологическую школу, этим важнейшим фактором не исчерпываются.

Попытаемся шаг за шагом реконструировать начало процесса, который привел в 1937 г. к событиям, свидетельствовавшим об окончательной ликвидации Ленинградской буддологии, — решению Президиума АН СССР о прекращении деятельности научно-издательской серии “*Bibliotheca Buddhica*”, кровавой расправе властей с учениками Ф.И. Щербатского (Б.Б. Барадийном, А.И. Востриковым, М.И. Тубянским, М.С. Троицким) и аннулированию тематики буддологических исследований как «вредительской» (подробнее см.: Струве, Муратов, Кальянов, 1937, с. 266–279).

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История изучения буддизма в материалах и документах 1900–1920-х гг. Архива востоковедов Института восточных рукописей РАН», проект № 10-01-00252а.

Целенаправленное вытеснение буддологии из научно-исследовательских и издательских планов ИВАН началось пятью годами ранее указанных событий и ознаменовалось принятым 1 января 1932 г. постановлением дирекции: «Все работы тт. Обермиллера и Тубянского по Библиотеке Будика², не рекомендуемые ИВ для широкого распространения, не передавать в печать и в виде оттисков хранить в ИВ для научной работы» (А ИВР РАН. Ф. 152, оп. 1а, д. 147. Л. 1).

На первый взгляд, данная формулировка не имела общедирективного характера, тем более что касалась она лишь двух авторов, один из которых (Е.Е. Обермиллер) был в то время уже выведен за штат учреждения по причине прогрессирующего заболевания и сотрудничал с ИВАНом на договорной основе, а другой (И.М. Тубянский) являлся работником Советского дипломатического представительства в Монголии. Но действительный смысл этого документа проясняется, если учесть тот факт, что «*Bibliotheca Buddhica*» по замыслу ее создателя С.Ф. Ольденбурга имела формат международной научно-издательской серии и прежде отбор материалов для публикации в ее выпусках производился лишь в соответствии с международными научными критериями. До появления данного постановления вопрос о цензуре предполагаемых публикаций в аспекте допустимой широты их распространения никогда не ставился. Постановление свидетельствовало, что дирекция ИВАН в 1932 г. взяла на себя функцию ведомственной цензуры буддологических исследований, выполненных для серии.

Тем самым осложнялась и без того неблагоприятная ситуация — ведь в условиях декларируемой на государственном уровне борьбы с религией в СССР уже не существовало никакой иной издательской базы для публикации буддологических трудов. Вскоре последовало решение Президиума АН СССР и вовсе закрыть серию. Ее завершающим выпуском в 1932 г. должен был стать первый том написанной на английском языке монографии Ф.И. Щербатского «Буддийская логика».

Хотя С.Ф. Ольденбургу удалось добиться отмены этого решения, нетерпимость к буддологии нарастала. Об этом свидетельствует тот факт, что Ф.И. Щербатской, узнав о грядущем закрытии серии, интересовался, позволительно ли будет с точки зрения Президиума АН СССР известить читателей о принятом решении или данную информацию надлежит временно скрывать от общественности (Вигасин, 2008, с. 439).

Разумеется, в посягательствах на серию «*Bibliotheca Buddhica*», имевших место в 1932 г., немалую роль играли ненаучные мотивы, так как ее создатель С.Ф. Ольденбург был скомпрометирован в свою бытность непременным секретарем АН ССР косвенной причастностью к делу Академии наук. Следствие, продолжавшееся до 1931 г. включительно, сопровождалось все новыми и новыми арестами, и основной его «сюжет» прочно связался с доказательством участия целого ряда академических ученых в конспиративной организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Среди фигурантов дела, близко соприкасавшихся с С.Ф. Ольденбургом по линии изучения культуры Индии, оказался выдающийся отечественный этнограф-индианист А.М. Мерварт (1884–1932)³. Арестованный на завершающем этапе дознания, 13 января 1931 г., он, немец по этническому происхождению, надеясь обезопасить свою семью от репрессий, решил сотрудничать со следствием в форме самоговора⁴. Реализуя этот наивный замысел, А.М. Мерварт дал чудовищные по

² Так в орфографии протоколиста зафиксировано название серии.

³ Сведения о жизненном пути и характеристика научной деятельности А.М. Мерварта представлены в замечательном по литературной форме и глубине содержания очерке А.А. Вигасина «Александр и Людмила Мерварт». См.: Вигасин, 2008, с. 507–534.

⁴ Е.Г. Ольденбург, супруга академика, считала А.М. Мерварта простоватым в отношении поведенческих стратегий («он не из особенно умных людей»). См.: Каганович, 2006, с. 183.

содержанию «признательные» показания, будто бы он в качестве резидента германской разведки создал в Ленинграде разветвленную агентурную сеть и осуществлял конспиративную связь между германским Генштабом и академиками-«заговорщиками» — членами «Всенародного союза борьбы за возрождение свободной России». Как стало известно в 1990-х годах, имя С.Ф. Ольденбурга упоминалось в данном контексте на допросах подследственных (Анциферов, 1992, с. 325).

Недрузи С.Ф. Ольденбурга стремились к выведению научно-исследовательских учреждений гуманитарного профиля из состава АН СССР и к их последующей передаче в ведение Коммунистической академии. Лоббировали эту структурную реформу академики А.М. Деборин⁵, редактор журнала «Под знаменем марксизма», и М.Н. Покровский, заместитель наркома просвещения и одновременно руководитель Централархива. Оба они были довольно хорошо знакомы с этапами расследования по делу Академии наук и надеялись, что по завершении судебных процессов⁶ можно будет приступить не только к практическому осуществлению задуманного, но и к уничтожению классического востоковедения, «реакционного», по их обоюдному мнению. В 1932 г. решение этой деструктивной задачи представлялось им тактически несложным, поскольку С.Ф. Ольденбург уже часто и подолгу хворал⁷.

Однако ошибочно было бы думать, будто А.М. Деборин и М.Н. Покровский являлись невежественными мракобесами или завистливыми бездарностями, одержимыми личной враждой к Ольденбургу, организатору и директору ИВАН. Как раз наоборот — и тот и другой получили превосходное образование, обладали уверенностью в собственных талантах и убежденностью в правоте избранной позиции. В их отношении к классику отечественного востоковедения господствовало не личное неприятие, а политическое отторжение. Они видели в С.Ф. Ольденбурге историческую фигуру досоветского прошлого — бывшего члена Государственного совета, министра народного просвещения Временного правительства, члена ЦК кадетской партии и поэтому параноидально стремились к разрушению всех его начинаний.

М.Н. Покровский возглавлял в АН СССР коммунистическую фракцию, а А.М. Деборин являлся ее активным членом. Фракция позиционировала себя коллективным проводником государственной политики в сфере науки и заявляла о необходимости реформирования предмета и методологии исследований, а также принципов отбора молодых научных кадров. Поскольку наука в СССР финансировалась в плановом порядке из государственного бюджета, предметом исследований должны были выступать, по мнению фракции, только те проблемы, решение которых обеспечивало экономические, социальные, политические, идеологические и оборонные потребности государства.

В области методологии предполагался переход к единой марксистко-ленинской теоретической парадигме: исторический материализм должен был стать основой на-

⁵ Деборин (настоящая фамилия — Иоффе) Абрам Моисеевич (1881–1963) — историк философии и теоретик марксизма, окончил философский факультет Бернского университета (1908). Был избран академиком АН СССР в 1929 г. при поддержке С.Ф. Ольденбурга в ситуации скандальной повторной баллотировки наряду с В.М. Фриче и Н.М. Лукиным (Каганович, 2006, с. 173).

⁶ По делу Академии наук приговоры были вынесены в течение весны–лета 1931 г. Перед судом предстали полторы сотни обвиняемых. Шесть бывших офицеров царской армии, состоявших при С.Ф. Ольденбурге в административном аппарате АН СССР, были расстреляны.

⁷ Затяжной стресс, пережитый С.Ф. Ольденбургом в связи с делом Академии наук и вынужденным уходом в отставку с поста неперемного секретаря АН СССР («по собственному желанию»), подорвал здоровье ученого. Начавшееся у С.Ф. Ольденбурга онкологическое заболевание врачи не сумели своевременно диагностировать (Каганович, 2006, с. 218–221).

учного мировоззрения, а материалистическая диалектика — базовым методом анализа проблемного поля исследований.

Кадровое обновление науки предлагалось производить на основе принципа социальной ротации — в академические учреждения и аспирантуру следовало теперь отбирать только политически лояльные кадры, отдавая предпочтение лицам рабоче-крестьянского происхождения.

Государственные преобразовательные директивы интерпретировались М.Н. Покровским и А.М. Дебориным в духе крайнего нигилизма по отношению к логике научного познания и к школьной преемственности исследовательского опыта. Анализ их документированной деятельности позволяет сделать вывод, что оба реформатора тяготели по своему личностному типу к жесткому авторитарному лидерству, а по характеру проводившихся ими преобразований являлись «фанатиками коммунизма», если пользоваться ленинским определением оголтелых разрушителей, способных «съесть Академию» (Луначарский, 1925, с. 110).

Будучи по образованию и роду профессиональной деятельности ученым-историком, М.Н. Покровский нанес удар именно по историко-филологическим наукам, причем в масштабе всей советской высшей школы. Он добился повсеместной отмены в вузах страны преподавания древних языков и истории Древнего мира как дисциплин неактуальных и практически бесполезных для рабоче-крестьянского государства. Соответственно санскрит и история древней Индии оказались изъятыми из образовательных программ. В результате разрушительной деятельности Покровского не только индианистика, но и другие востоковедные специализации, связанные с классическими языками и древней историей, оказались под угрозой уничтожения, лишаясь притока молодых кадров.

Поскольку советское государство развивало активную внешнеполитическую линию взаимодействия со странами Азии, а через Коминтерн и с национально-освободительными движениями в колониях, на передний план в востоковедении выдвигалось изучение живых восточных языков. Однако без ознакомления с культурным наследием древности и раннего средневековья будущие востоковеды — учащиеся высшей школы не могли сформировать адекватного понимания логики историко-культурных процессов на Востоке и были принуждены оставаться слабообразованными и малокомпетентными в избранной профессии.

Хотя вредоносная для науки и практической деятельности реформа Покровского была вскоре подвергнута резкой критике в партийных инстанциях и отменена в 1934 г., она значительно затормозила подготовку эрудированных кадров для отечественного востоковедения. В академическую науку пришла немалая доля молодежи, не только не обученная методам анализа явлений культуры Востока и приемам работы с письменными памятниками, но и уверенная в необходимости аннулировать классическое востоковедение как «реакционную» отрасль буржуазной науки. Этот псевдоклассовый и нелепый по своей сути подход к проблематике востоковедных исследований пропагандировался в ряде публикаций на страницах научных журналов (см., например: Новичев, Кокин, Смирнов, 1931, с. 210–218; Майзель, 1931, с. 251–257).

Курс на индустриализацию экономики и социокультурную модернизацию страны, взятый политическим руководством СССР, требовал от академической науки преимущественного развития точных, естественных и инженерно-технических дисциплин. В аспекте структуры АН СССР за этот процесс отвечало I-е отделение (отделение физико-математических наук). Академики-коммунисты — Н.И. Бухарин, Г.М. Кржижановский (который с мая 1929 г. занял пост второго вице-президента АН СССР), М.Н. Покровский были убеждены, что серьезное укрепление материальной базы

1-го отделения должно сопровождаться постепенной ликвидацией 2-го — отделения гуманитарных наук. (О директивном аспекте этого плана см.: Академия наук в решениях Политбюро ВКП(б), 2000, с. 78–84.) Академические учреждения гуманитарного профиля реформаторы намеревались в перспективе передать в Коммунистическую академию, что подразумевало неизбежную политизацию гуманитарных дисциплин с их последующим сугубо прикладным использованием.

Однако такую разрушительную относительно гуманитарных наук позицию занимали не только академики-коммунисты. Нигилистическое отношение к фундаментальной проблематике гуманитарных исследований, отметим, нарастало в среде представителей точных и естественных наук еще в 1920-х годах. Об этом свидетельствуют, в частности, мемуарные записи лидера отечественной математики академика В.А. Стеклова: «Давно имею мысль, — писал он, — об уничтожении ненужного и отнюдь не научного II-го Отделения <...> Не по нынешним временам заниматься переизданием всяких благоглупостей, которыми когда-то напичкали фолианты греческие невежды да наши попы» (Стеклов, 1991, с. 298).

Хотя такое мнение было высказано В.А. Стекловым в адрес историко-филологических исследований по вопросам русской словесности и византистики, тема «поповских благоглупостей» актуализировалась в начале 1930-х годов и в связи с индианистикой и буддологическими исследованиями.

В 1931 г. в ИВАНе была создана ячейка содействия Обществу марксистов-востоковедов, в которой активнейшую роль играли аспиранты — члены ВКП(б) и комсомольцы, идейно связанные с А.М. Дебориным. Если судить по статистическим данным, опубликованным в «Вестнике АН СССР» за 1932 г. (№ 3, столбец 48), аспирантура ИВАНа по численности обучающихся была очень велика. В 1932 г. в штате ИВАНа состояли 6 академиков и 39 научных сотрудников, а аспирантов насчитывалось 29 человек. Хранящиеся в СПбФА РАН планы Общества марксистов-востоковедов и протоколы собраний ячейки содействия этой организации за период с октября 1931 по декабрь 1932 г. позволяют судить об атмосфере конфронтации и идеологической конфликтности, подогреваемой последователями Деборина в ИВАНе (СПбФА РАН. Ф. 152, оп. 1а. Д. 214).

Молодежь, наспех обученная живым восточным языкам в различных новоявленных образовательных учреждениях, планировала «сколачивание единого фронта» в противостоянии исследователям классического письменного наследия великих цивилизаций Азии. В своем большинстве аспиранты ИВАНа являлись так называемыми «выдвиженцами» — кадрами, положительно зарекомендовавшими себя на практической работе и имевшими стаж общественной деятельности. Были среди них и те, кто обладал боевым опытом в рядах Красной армии. И неудивительно, что эта молодежь, оказавшись в стенах академического института, включилась в борьбу за «полное утверждение марксистско-ленинской методологии», намереваясь «разоблачить» и «разоружить» корифеев классического востоковедения — «старую профессию».

Парадокс сложившейся ситуации состоял в том, что члены ячейки претендовали на «обеспечение марксистского руководства» в академическом учреждении, где им самим еще только предстояло под руководством «антимарксистской, реакционной и псевдомарксистской профессуры» утвердить себя в качестве авторов диссертационных исследований.

Это парадоксальное и контрпродуктивное противостояние принимало особенно нетерпимые формы применительно к изучению классического философского наследия Индии и к буддологическим исследованиям. Начиная с 1931 г. нападки на эту область востоковедения, где благодаря деятельности И.П. Минаева, Ф.И. Щербат-

ского и С.Ф. Ольденбурга отечественная наука имела международные приоритеты, приобрели характер обскурантских поношений. Религиозно-философские письменные памятники буддизма и индуизма все чаще уничижительно именовались творчеством «индийских попов», санскрит — «поповским языком», а буддизм — «опиумом народа» (Конрад, 1972, с. 7). Молодые невежественные «фанатики коммунизма» попросту не понимали, что К. Маркс, метафорически назвавший религию «опиумом», имел в виду не наркотическую одурь, а свойственную религии способность обезболить человеческие страдания, наделяя их метафизическим смыслом. Они не рассматривали Маркса как одного из классиков социологии религии наряду с М. Вебером и Э. Дюркгеймом. А поэтому буддологические исследования воспринимались членами ячейки содействия Обществу марксистов-востоковедов в качестве разновидности пропаганды «религиозного дурмана», т.е. как нечто идущее вразрез с научным атеизмом.

Вслед за А.М. Дебориным, стремившимся политизировать предмет востоковедных исследований, аспиранты ИВАНА призывали выдвинуть на первый план изучение классовой борьбы на Востоке с позиций марксистского учения о закономерной смене социально-экономических формаций. Подчеркнем, что интерес к востоковедной проблематике и борьба за модернизацию и политизацию предмета востоковедных исследований были инициированы необходимостью теоретического анализа событий революции 1911 г. в Китае и нарастанием национально-освободительного движения в Индии и других колониальных странах. В связи с этим в 1920-х — начале 1930-х годов в СССР велась напряженная дискуссия об «азиатском способе производства» в социально-экономической истории государств Древнего Востока, Китая и Индии. Наряду с маститыми учеными в нее включилась и востоковедная молодежь. Пытаясь интерпретировать данный теоретический конструкт, разрабатывавшийся К. Марксом, Ф. Энгельсом, а затем и В.И. Лениным, многие молодые исследователи усматривали в «азиатском способе производства» специфический вид социально-экономической формации⁸.

Ни С.Ф. Ольденбург, ни Ф.И. Щербатской не противодействовали введению этой новой проблематики в фокус научных исследований ИВАНА. Будучи выучениками основателя российской индианистики, опытного политического аналитика И.П. Минаева, и патриотами Отечества, они превосходно понимали, что для СССР как евразийской державы научное обеспечение взаимодействия со странами зарубежного Востока имеет жизненно важное значение. Подобно И.П. Минаеву, они придерживались той точки зрения, что проблематика современности не противостоит классическому востоковедению, а логически связана с историческим прошлым народов Азии и не может быть адекватно препарирована без изучения их культурного наследия, религии и философии.

Оба академика пытались сконструировать в сфере организации исследований приемлемые компромиссные стратегии, позволяющие сохранить классическое востоковедение. С.Ф. Ольденбург при любом подходящем случае акцентировал преимущества советского востоковедения перед «буржуазным». Так, в докладе на сессии АН СССР 26 июня 1931 г. он подчеркивал: «У нас — изучение современного Востока в целом и в теснейшем единении с изучением Запада» (Ольденбург, 1931, с. 14). Этот доклад, в котором старой западноевропейской востоковедной традиции противопо-

⁸ Для некоторых молодых «фанатиков коммунизма», например для М.Д. Кокина (1906–1937) и Г.К. Папаяна (1901–1937), участие в данной дискуссии обернулось в конце 1930-х годов дополнительным пунктом обвинения и тяжкими репрессиями. См.: Васильков, Сорокина, 2003, с. 205, 296.

ставлялась новая, советская, многие коллеги С.Ф. Ольденбурга по Академии сочли политически сервильным. Они попросту не заметили, что под прикрытием приличествующей фразеологии в нем была заявлена новаторская методологическая идея типологического подхода к историко-культурной парадигматике «Восток–Запад». Позднее, в последней четверти XX в., именно эта идея, свободная от жесткой соотнесенности с политической теорией марксизма, стимулировала развитие культурологической компаративистики в востоковедении.

Ф.И. Щербатской усматривал возможный компромисс в формальном переносе акцента исследований на изучение материализма в древней Индии. Такой тактический ход вовсе не предполагал отказа от анализа памятников индийской религиозно-философской классики. В отличие от своих оппонентов академик знал, что в составе индийского письменного наследия сохранилось мизерное количество памятников материалистической мысли и для изучения материализма в древней Индии (концепций школ локаята, чарвака, адживика) необходимо обращаться к исследованию произведений крупнейших представителей буддийского и брахманистского философских направлений, где материалистические идеи детально излагались и контраргументировались.

Кроме того, еще в период функционирования ИНБУКа (1928–1930 гг.) он пошел навстречу интересам представителей естественных наук, коль скоро именно эти науки пользовались преимущественной поддержкой советского государства. Резерв для такого маневра имелся значительный: в 1920-х — начале 1930-х годов в СССР неуклонно возрастал интерес к тибетской медицине — ее лечебным возможностям, лекарственным средствам, использованию природных ресурсов в искусстве врачевания и упрочения здоровья. Специалисты Ботанического музея АН СССР, ученые-фармацевты, врачи-исследователи спорили в печати о проблеме интеграции многовекового опыта тибетской медицины в советскую медицинскую науку.

Базой для исследования тибетской медицинской традиции выступала Бурят-Монгольская АССР, где на базе буддийских монастырей исторически утвердились прославленные центры обучения лам-врачевателей. Лидировал в данном направлении Ацагатский дацан — монастырская медицинская школа, патронируемая лидером буддийского обновленческого движения Хамбо-ламой буддистов Восточной Сибири Агваном Доржиевым (1853–1938). Практиковалась тибетская медицина и на берегах Невы — в Ленинграде функционировала амбулатория Н.Н. Бадмаева (1879–1938), племянника и ученика П.А. Бадмаева (1841–1920) — знаменитого практика и пропагандиста тибетской медицины в столице Российской империи.

Ученики Ф.И. Щербатского — Е.Е. Обермиллер (1901–1935), Б.В. Семичов (1900–1981), А.И. Востриков (1909–1937), М.И. Тубянский (1893–1937) активно изучали тибетские медицинские источники и терминологию, гармонично сочетая это направление исследований с собственно буддологической проблематикой. М.И. Тубянский, отправляясь в 1927 г. в Монголию, намеревался наряду с основной тематикой научной командировки — обследованием фондов монастырских библиотек и описанием системы буддийского религиозного образования продолжить ознакомление с источниками по тибетской медицине.

Важно подчеркнуть, что дополнительным стимулом всплеска интереса советских ученых-естественников к тибетской медицине служил тот факт, что в дружественной Монголии она являлась преобладающей формой врачебной помощи населению и с осени 1925 г. была взята на государственное бюджетное финансирование.

Е.Е. Обермиллер с 1926 г., а Б.В. Семичов и А.И. Востриков с 1928 г. регулярно летом и осенью вели экспедиционную работу в Ацагатском дацане и других буддийских монастырях Восточной Сибири. Благодаря авторитету А. Доржиева они пользо-

вались расположением ученых лам и могли исследовать не только письменные памятники тибетской медицины, но и широкий круг иных буддийских источников, составлявших базу традиционного религиозного образования, что особо интересовало Ф.И. Щербатского. Академик, посылая своих учеников в сибирские экспедиции, стремился выяснить, какие именно тексты, переведенные с санскрита на тибетский и монгольский языки, считаются в традиции основополагающими и соответственно должны иметь первостепенное значение для буддологических исследований.

Однако ориентация на тибетскую медицину отнюдь не спасла отечественную буддологическую школу от гонений, поскольку в самой Бурятии уже разгоралось идеологическое противостояние, напрямую затронувшее школу лам-врачевателей в Ацагате и традиционные лечебные учреждения, базирующиеся на местном минеральном источнике (аршане). В 1932 г. в периодическом издании «Культура Бурятии» была опубликована статья М.К. Харахинова «Медицинская литература о Бурятии в свете письма т. Сталина». Поводом к ее появлению стало открытое обращение политического лидера страны к редакции союзного журнала «Пролетарская революция» — И.В. Сталин призывал выявлять в научных работах идеи, враждебные марксистско-ленинской теоретико-методологической парадигме. Откликаясь на это обращение, М.К. Харахинов подверг критике ученых-медиков, стремившихся к практическому сотрудничеству с ламами-врачевателями и выступавшими в печати за изучение опыта тибетской медицины (Харахинов, 1932, с. 16–21).

В том же году в Верхнеудинске (совр. Улан-Удэ) вышла в свет брошюра Б.Д. Тогмитова «Современный ламаизм в Бурятии и задачи дальнейшей борьбы с ним» (Тогмитов, 1932). В главе, посвященной Ацагатской школе тибетской медицины, автор, в частности, упрекал Е.Е. Обермиллера в научной беспринципности — якобы тот в своих статьях благодарит лам-врачевателей за содействие в его исследовательской работе, руководствуясь корыстными мотивами получения от них знахарской помощи.

Это обвинение не имело под собой никакой реальной почвы. Ни у Ф.И. Щербатского, ни у коллег Е.Е. Обермиллера по экспедиционной работе в Ацагате никогда не возникало сомнений в кристальной научной честности гениального молодого ученого. Однако он страдал неизлечимым наследственным недугом — серингомиелией и получал лекарственную помощь в Ацагате, а поэтому счел себя скомпрометированным злостной клеветой автора брошюры.

Ф.И. Щербатский очень высоко ценил Е.Е. Обермиллера за преданность науке, глубокие познания в санскрите и тибетском языке, превосходную буддологическую эрудированность, исключительную одаренность и высокую продуктивность исследовательской работы. Но защитить своего ученика от идеологических нападков он не мог, так как и сам пребывал в ИВАНе в униженном положении, несмотря на статус академика и международную известность. Об этом, в частности, свидетельствует его письмо С.Ф. Ольденбургу от 29 февраля 1932 г., отправленное из Кисловодска, где Щербатский проходил курс санаторно-курортного лечения. Он писал: «Индо-Тиб[етский] кабинет теперь не имеет помещения в институте. Я вполне понимаю, что прежде наше помещение следовало отдать тюркам как более многочисленной группе. Но совсем лишать Индо-Тиб[етский] кабинет помещения также нельзя. Я поэтому <...> прошу, чтобы моя угловая комната (т.е. в квартире академика. — *Е.О.*) была отведена под Индо-Тиб[етский] кабинет. Ведь то унижительное положение, в котором находится этот кабинет, несомненно, временное <...> все уверены, что в след[ующей] пятилетке будет обращено внимание на гуманитарные науки и на Восток и удушение индологии прекратится. <...> Я очень прошу Вас поддержать мое

прошение о признании моей комнаты кабинетом директора Индо-Тиб[етского] кабинета» (Вигасин, 2008, с. 437–438).

Но следующая пятилетка, на которую надеялся С.Ф. Щербатской, не только не улучшила положения индианистики и буддологии, но стала временем катастрофы для этих неумолимо подавлявшихся отраслей классического востоковедения.

Первый серьезный удар в центральной научной периодике был нанесен неожиданно. В начале 1933 г. вышел в свет задержавшийся с выпуском сдвоенный (пятый и шестой) номер журнала «Советская этнография» за 1932 г., в котором была помещена статья Б.В. Семичова «Тибетская медицина в Бурят-Монгольской АССР» (Семичов, 1932, с. 216–228). Публикация посвящалась итогам работы комиссии Наркомздрава Бурятии в Ацагате, причем комиссию эту по поручению республиканских правительственных органов возглавлял именно Б.В. Семичов.

Выводы комиссии, отраженные в его статье, имели негативный характер. Совет тибетских медиков, который координировал работу Ацагатской школы лам-врачевателей, лечебную практику и работу санатория, предлагалось распустить, предварительно отобрав у председателя Совета Д. Ендонова юридические атрибуты деятельности — печать, штамп учреждения и апробационные отзывы ученых. Рекомендовалось прекратить дальнейшую подготовку кадров лам-врачевателей, поставки медикаментов из-за рубежа — из Монголии и Китая, ликвидировать водолечебницу как источник распространения инфекции, поскольку заразные больные якобы принимали водные процедуры совместно с неинфицированными. А кроме того, в статье отмечалось, что Ацагатский курорт — частное предприятие А. Доржиева, на что необходимо обратить внимание налоговых органов.

Публикация нанесла серьезный моральный ущерб прославленному Ацагатскому дацану во всех аспектах — и как лечебному учреждению, и как образовательному центру, и как базе экспедиционной деятельности, которую там вели не только ленинградские буддологи, но и сотрудники Ботанического музея АН СССР, лабораторий Саратовского университета и других научно-исследовательских организаций страны.

Ацагат был скомпрометирован и как международная кузница кадров, в которой наряду с бурятами обучались тибетской медицине калмыки и молодежь из Западной Монголии, а преподавание осуществлялось как местными, так и зарубежными знатоками традиции, преимущественно из крупных монгольских монастырей.

Однако было бы неправомерно квалифицировать эту злополучную публикацию в качестве первичного сигнала, предоставившего «властям повод для расправы над ламством» (Васильков, Сорокина, 2003, с. 347). Процесс социального отторжения тибетской медицины и лам-врачевателей был инициирован тремя годами ранее и не в СССР, а в сопредельной Монголии, где в 1930 г. официально прекратилось бюджетное финансирование традиционных лечебных центров. Политическое руководство Монголии стремилось с помощью СССР создать в стране систему здравоохранения европейского типа, не связанную с религией. Советские врачи приняли участие в реализации этого плана, несмотря на угрозу противодействия со стороны радикально настроенной части носителей традиционной культуры. В 1932 г. дело дошло до кровопролития — в дни антиправительственного восстания в г. Цицерлик местные жители уничтожили советский медпункт и убили доктора С.М. Немого, находившегося при исполнении служебных обязанностей (Грекова, 1998, с. 184–185).

Постепенно нарастала политизация научных споров о тибетской медицине и в СССР. Этот процесс подстегивался в Бурятии обострением конфликта между двумя лагерями носителей буддийской традиции — консерваторами и обновленцами. Консерваторы защищали те социокультурные формы буддизма, которые сложились в

среде бурят исторически, впитав в себя элементы добуддийских этнических верований, мифологии и ритуалов.

Обновленческое движение зародилось в Бурятии в 1900-х годах, когда царское правительство вознамерилось провести в Забайкалье реформу, направленную на внедрение оседлого образа жизни в среде местных скотоводов-кочевников и на увеличение доли православных в общей численности подданных-инородцев. В 1905 г. представителями обновленчества заявили себя тибетолог-буддолог, ученик Ф.И. Щербатского Б. Барадийн (1878–1937) и монголовед-филолог Ц.Ж. Жамцарано (1880–1942), монголовед-лингвист, историк, поэт и публицист Э.Д. Ринчино (1888–1938). Европейски образованные молодые люди, они не имели ни монашеского статуса, ни предписанного традицией долголетнего религиозного опыта. По своему мировоззрению они являлись национально мыслящими просветителями, мечтавшими о приобщении родного этноса к европейской (русской) культуре, но при условии сохранения буддийской вероисповедной идентичности. Одновременно они помышляли о реформировании бурятской социокультурной формы буддизма, надеясь утвердить в Забайкалье некий «первоначальный» буддизм, свободный от «этнографических» наслоений.

Но значительно позднее, в 1920-х годах, обновленцы-просветители предпринимали попытки реформировать также и организационную сторону буддизма — создать «приходские общины», повысить роль буддистов-мирян в принятии решений, сделать распорядительным органом Духовный собор, а исполнительным — Духовный совет во главе с Хамбо-ламой (Нестеркин, 2008. с. 252–254).

Обновленцы-просветители мечтали со временем возглавить строительство нового панмонгольского государства. Ринчино уже имел опыт членства в правительстве революционной Монголии (1921–1924) и работы руководителем Монголо-Тибетской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна. Б. Барадийн занимал различные посты в правительственных органах Бурят-Монгольской АССР, Жамцарано — в Монголии. Рассуждая в письме к одному из единомышленников (Д. Сампилону) о перспективах создания панмонгольской державы, Ринчино сетовал на низкий культурный уровень и засилие «буддийского клерикализма» в среде монголов и других народов Центральной Азии (Ринчино, 1994, с. 123–124). Геополитические амбиции Коминтерна вплоть до начала 1930-х годов не противоречили панмонголистскому настрою обновленцев-просветителей.

Но консервативное бурятское ламство, приверженное этнокультурной традиции, не считало обновленцев-просветителей близкими себе по духу — для духовенства они оставались прежде всего мирянами, претендующими на светское этническое лидерство. Ламство в своем большинстве признавало бессмысленным и опасным отдавать право решающего голоса людям, не прошедшим курс монастырского обучения.

А. Доржиев как Хамбо-лама буддистов Восточной Сибири понимал, что в ситуации развернувшейся в стране агрессивной антирелигиозной пропаганды, выдвинувшей лозунг «Борьба с религией есть борьба за социализм», сохранить буддизм возможно только при условии его реформирования, тем более что правила религиозной дисциплины (винаи) соблюдались в монастырях Бурятии далеко не так строго, как того требовал канон, и это вызывало критику как со стороны обновленцев-просветителей, так и со стороны ревнителей буддийского благочестия.

Обновленцы пытались сотрудничать с советской властью, выдвигая на передний план тезис об идейной близости коммунизма и буддизма, отрицавшего алчность, вражду и невежество. Союзные органы власти первоначально опирались на поддержку лидеров обновленчества в Бурят-Монгольской АССР. А. Доржиев, издавна известный как патриот России, был признан НКВД и НКВД в статусе дипломатиче-

ского работника — представителя теократического правителя Тибета в СССР. Б.Б. Барадийн в 1923 г. получил в республике пост наркома просвещения и оставался в этой руководящей должности по 1926 г. включительно. Но вместе с тем общественные изменения в самой Бурятии обнаружили множество социально-экономических и идеологических противоречий и свидетельствовали о слишком значительной культурной дистанции, разделявшей европейски образованных обновленцев и большую часть населения республики.

По данной проблеме Ф.И. Щербатской высказался с предельной отчетливостью в письме к С.Ф. Ольденбургу из Верхнеудинска от 1 сентября 1924 г. «...Республика весьма дефицитна, — констатировал он, — и в прошлом году получила дотаций 700 000 руб. золотом. Кроме того, получила дотаций 1 600 000 р[ублей] з[олотом] на высшее уч[ебное] заведение. На это заведение направлены все мысли националистов; оно должно дать им монголов-европейцев, оно, по-видимому, должно будет конкурировать с Иркутск[им] университетом, которому, кстати, не дают ни гроша и которому, несмотря на его обширные помещения и земельную собственность, грозит закрытие! Итак, вот противоречия жизни, с одной стороны, мечты о бурятах-европейцах, бурятах-коммунистах, параллельно с мечтами о Чингиз-хане, с другой — буряты-кочевники и пожиратели падали! По Доржиеву и Барадийну нельзя судить бурят. В дер[евне] Черемхове, около Ямаровки, минувшей зимой был падеж свиней, около б[олее] 300 штук; все были куплены и съедены бурятами» (Вигасин, 2008, с. 421–422).

Вопиющие социокультурные контрасты в укладе жизни различных слоев коренного населения автономной республики были очевидны и самим обновленцам-просветителям. Б.Б. Барадийн, прекрасно знакомый с выдающимися достижениями в практике мастеров тибетской медицины, наряду с этим констатировал, что большая часть рядовых лам-врачевателей не отличалась образованностью и не была способна решать задачи народного здравоохранения (Семичов, 1960, с. 50–56). Такое положение дел ставило под сомнение выдвигавшийся в целом ряде научных публикаций тезис о продуктивности сотрудничества медицинских работников и лам-врачевателей. И вовсе не Б.В. Семичову, а идеологически непримиримым публицистам — упоминавшимся выше Б.Д. Тогмитову и М.К. Харахинову принадлежала первичная инициатива травли ламства и той бескомпромиссной критики в адрес ленинградских ученых-буддологов, которая развернулась в Бурятии еще весной 1932 г.

Говоря о причинах развернувшейся в республиканской прессе и периодике идеологической кампании, санкт-петербургская исследовательница истории тибетской медицины в России Т.И. Грекова отмечала: «Следует, однако, признать, что пищу для обвинений во многом давало само духовенство, уронившее свой авторитет в противостоянии обновленцев и консерваторов. В ход пошли взаимные разоблачения с обращением в партийные и советские органы, письма в газеты; междоусобные распри доходили порой до диверсий...» (Грекова, 1998, с. 183). Именно эти «междоусобные распри», предшествовавшие публикациям Б.Д. Тогмитова, М.К. Харахинова, Б.В. Семичова, и привели к вытеснению А. Доржиева и других выдающихся буддийских деятелей из Бурят-Монгольской АССР. А кроме того, теплившаяся в интеллектуальных недрах Коминтерна идея создания прокоммунистического панмонгольского государства в Центральной Азии была в начале 1930-х годов отброшена, и политическая элита СССР утратила интерес к А. Доржиеву как дипломатическому посреднику в сношениях с теократическим правителем Тибета.

По выходе статьи Б.В. Семичова Хамбо-лама письменно обратился к Е.Е. Обермиллеру 1 июля 1933 г. с просьбой об опровержении в научной печати. В связи с

этим Ф.И. Щербатской получил от своего ученика, отдыхавшего в то время в Ленинградской области, крайне тревожное письмо: «Хамбо находится в ужасном состоянии, — писал Обермиллер, — и просит меня составить ответную статью, но от моего имени, и напечатать. Согласитесь, что мое положение ужасно. Конечно, о такой статье невозможно и думать. Но как это дать понять старику?» (СПбФА РАН, ф. 725, оп. 3, д. 160, л. 24).

И действительно, удовлетворить просьбу А. Доржиева не могли ни Е.Е. Обермиллер, ни Ф.И. Щербатской. Первый уже был прежде ошельмован Тогмитовым как идеологический пособник «реакционных» лам-врачевателей, а второй оказался в двусмысленной ситуации, так как Б.В. Семичов, его непосредственный подчиненный по Индо-Тибетскому кабинету ИВАНА, был арестован 17 марта 1933 г. и никаких сведений о его дальнейшей участи не поступало. Лишь десятилетия спустя стало известно, что 5 июля 1933 г. судебное следствие по его делу завершилось и новая юридическая инстанция — Тройка Постоянного Представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе осудила Б.В. Семичова на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Но в то трагическое время никто из коллег Б.В. Семичова по Индо-Тибетскому кабинету ИВАНА об этом приговоре не ведал.

Именно с ареста и осуждения Б.В. Семичова начался кадровый демонтаж санкт-петербургской (ленинградской) буддологической школы. Изъятие его из состава сотрудников Индо-Тибетского кабинета было травматично для Ф.И. Щербатского, ценившего Б.В. Семичова за чрезвычайное трудолюбие и умение результативно справляться с плановыми заданиями. Подчеркнем, что к вопросам научной продуктивности руководитель Индо-Тибетского кабинета относился очень требовательно и был склонен к едкой критике за малейшее проявление интеллектуальной расхлябанности.

Атмосфера идеологической конфронтации в ИВАНе накалялась в течение 1932–1933 гг. Прогнозируя такую перспективу, Ф.И. Щербатской в письме Ольденбургу от 29 февраля 1932 г. выражал беспокойство о незавершенности плановой работы — комментированного перевода с санскрита трактата о науке политики «Артхашастра» и был готов взять на себя выполнение той части планового задания, которая числилась за Ольденбургом. Руководитель Индо-Тибетского кабинета — Ф.И. Щербатской понимал, что члены дирекции, враждебно настроенные к классическому востоковедению, не простят его подразделению ни единого упущения. Он был очень недоволен малой продуктивностью А.И. Вострикова, погруженного в собственные тибетологические изыскания и не торопившегося завершить в срок плановое задание по «Артхашастре». В том же письме Ольденбургу Ф.И. Щербатской с раздражением констатировал: «Вострикова считать нечего. По-видимому, он не способен к продуктивной работе» (Вигасин, 2008, с. 437).

В конце года, 7 декабря 1932 г. он снова письменно обращается к хворавшему С.Ф. Ольденбургу: «Наша плановая работа по Индо-Тиб[етскому] кабинету находится в след[ующем] состоянии:

1. Сотрудн[ик] Семичов свою часть окончил, она переписана на машинке, и я ожидаю Ваших на нее замечаний;

2. Небольшая, уменьшенная против плана, часть, взятая на себя сотр[удником] Востриковым, сделана неудовлетворительно и мною ему возвращена для исправления;

3. Часть, взятая на себя Вами, мною еще не получена;

4. Остальная часть готова и будет разослана сотрудникам по переписке <...> Ввиду того, что дальше откладывать работу я не считаю возможным, прошу Вас сообщить мне точно, когда можете Вы предоставить мне свою часть. Если же за массой работы по администрации Вы не можете ее в скором времени представить, то я тогда

сделаю ее сам, т[ак] к[ак], повторяю, дольше я ждать не могу...» (Вигасин, 2008, с. 441).

Ф.И. Щербатской надеялся на возвращение Семичова в ИВАН, поскольку и до марта 1933 г. тот неоднократно подвергался более или менее длительным арестам по причине былой связи с белым движением. В годы гражданского раскола российского общества юный романтик Семичов вступил в ряды армии Юденича. Белогвардейское прошлое все же не помешало ему окончить в 1928 г. факультет общественных наук Петроградского университета, где он обучался под руководством Ф.И. Щербатского по индо-тибетскому разряду. В период работы в ИНБУКе молодой ученый увлекся евразийством как направлением русской философской мысли. Но в начале 1930-х годов идеологи евразийства были выдвинуты из страны. Функционируя в кругах русского зарубежья, евразийство преобразовалось в политическую организацию. В 1932 г., после первого съезда эмигрантской Евразийской организации и публикации ее политических документов — «Декларации» и «Тезисов», советские компетентные органы приступили к выявлению и планомерному репрессированию лиц, хотя бы косвенно связанных с ее правым крылом. В ходе данной кампании репрессировали и Б.В. Семичова — ему вменили активное участие в деятельности этой организации (Васильков, Сорокина, 2003, с. 347).

В тот же период ленинградский дацан становится прибежищем для ученых лам, вытесненных из Бурятии, так как на его основе по инициативе Хамбо-ламы была создана Тибето-Монгольская миссия. Поскольку А. Доржиев формально оставался дипломатическим представителем Далай-ламы XIII в СССР, он имел право приглашать для сотрудничества известных бурятских и калмыцких буддийских деятелей и пользовался этой возможностью в надежде спасти их от преследований.

Деятельностью по спасению ученых лам он начал заниматься после принятия в 1927 г. на 1-м Всесоюзном Буддийском духовном соборе запрета на культ «перерожденцев» (хубилганов) — человеческих воплощений буддийских иерархов прошлого. С 1928 г. на дому у А. Доржиева, в Ольгино под Ленинградом, проживал настоятель Цугольского дацана Д. Норбоев (1888–1935), считавшийся в традиции шестым хубилганом прославленного иерарха Ганжурва-гегена из Долонора. Несмотря на то что Д. Норбоев законопослушно снял с себя титул, его продолжали преследовать в автономной республике как защитника тибетских религиозных реликвий, хранившихся в местных монастырях.

В общежитии при Тибето-Монгольской миссии в 1930–1933 гг. нашли приют монахи из Хоринского дацана — выдающийся бурятский художник и знаток буддийского искусства О.Б. Будаев (1887–1937) и крупнейший знаток тибетского философского наследия Д.Д. Банзаракшеев (1884–?), который дважды побывал в монастырях-университетах Тибета, в 1909–1915 и в 1922–1925 гг. (СПбФА РАН, ф. 221, оп. 4, д. 33). Там же проживал с 1932 г. и Ц.Ж. Жамцарано, который по возвращении из Монголии был зачислен в штат ИВАН.

Отметим, что общежитие при Тибето-Монгольской миссии превратилось в неформальный этнокультурный центр, который активно посещала бурятская молодежь, обучавшаяся в вузах Северной столицы. Там молодые люди, стремившиеся приобрести к буддийской культуре, имели возможность изучать тибетский язык под руководством востоковедов из ИВАН — А.И. Вострикова и Е.Е. Обермиллера и знакомиться с письменным наследием буддизма.

А. Доржиев продолжал свои попытки защитить буддизм от советского законодательного регулирования, разрушавшего традиции религиозного образования. Он принимал шаги для преодоления запрета отдавать детей из бурятских и калмыцких

семей на обучение в монастыри с целью подготовки к ламству, начиная с семилетнего возраста. С соответствующим заявлением Хамбо-лама буддистов Восточной Сибири обратился 31 октября 1933 г. к председателю ЦИК М.И. Калинин. В этом документе он выступал от имени Далай-ламы XIII — теократического правителя Тибета, подчеркивая тем самым собственный дипломатический статус. В тексте документа присутствовал элемент предостережения в адрес советского правительства. Хамбо, в частности, подчеркивал: «В настоящее время у прибывающих в Тибет лиц Далай-лама осведомляется о положении дел. Как верховный глава буддистов он не может относиться безучастно к судьбе буддистов в пределах СССР. Поэтому лишение впредь буддистов возможности свободного удовлетворения своих духовных запросов за отсутствием надлежаще обученных людей не может не повлиять отрицательно на дружественные отношения между Тибетом и СССР» (см. первую публикацию документа: Андреев, 1992, с. 207–209).

Немаловажно, на наш взгляд, отметить, что в данном документе титул «Далай-лама» впервые интерпретируется как «верховный глава буддистов», хотя в действительности Далай-лама являлся религиозным главой только одной тибето-буддийской школы — гелугпа, а социальная организация буддизма канонически не предполагала установления вселенской религиозной иерархии. Ни один из носителей этого титула не был легитимирован в качестве верховного главы буддистов России, и, соответственно, религиозная юрисдикция Далай-ламы не могла распространяться ни на Бурят-Монгольскую АССР, ни на Автономную Калмыцкую область. Именуя Далай-ламу XIII «верховным главой буддистов», Хамбо-лама буддистов Восточной Сибири позиционировал тем самым себя в качестве религиозного, а не только дипломатического представителя теократического правителя Тибета в СССР.

Заявление А. Доржиева, подобно прежним его ходатайствам в высокие инстанции, осталось без ответа. Но обозначенная в нем позиция не могла не привлечь пристального внимания властей, так как в данном документе А. Доржиев засвидетельствовал, что располагает постоянно действующим анонимным каналом коммуникации с теократическим правителем Тибета и имеет опосредованную возможность компрометировать советское правительство на международном уровне. А это, в свою очередь, означало, что ленинградский дацан как официальная резиденция А. Доржиева и дом при Тибето-Монгольской миссии вместе с его обитателями и посетителями неизбежно должны были сделаться объектом наблюдения со стороны отечественных спецслужб. Копия заявления была направлена Хамбо-ламой председателю Постоянной комиссии по вопросам культа П.Г. Смидовичу, которому и прежде доводилось иметь дело с его официальными запросами.

О том, что осенью 1933 г. советские спецслужбы уже располагали материалами против А. Доржиева и связанных с ним ученых-буддологов, сообщается в статье Б. Базарова и Ю. Шагдарова, опубликованной в 1991 г. в журнале «Байкал» (Базаров, Шагдаров, 1991, с. 121–127). Авторы указывают на факт ареста в октябре 1933 г. органами НКВД Бурят-Монгольской АССР некоего О.Н., обвинившего в порядке инициативной клеветы 40 советских граждан в передаче шпионских сведений за рубеж. В числе названных им лиц фигурировали А. Доржиев, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Щербатской, Е.Е. Обермиллер, А.И. Востриков, а также без инициалов Миллер и «Мератский». Последний был отождествлен как А.М. Мерварт, имя которого невежественный клеветник, вращаясь в близкой к научным кругам Ленинграда среде, вероятно, никогда не видел написанным и искаженно воспринял на слух. К тому времени А.М. Мерварт уже год с лишним как был покойным — он умер в ссылке 23 мая 1932 г. (Васильков, Сорокина, 2003, с. 265). Другой из названных О.Н. ученых,

А.А. Миллер (1875–1935), этнограф и археолог, находился под арестом с 9 сентября 1933 г. как «участник контрреволюционной фашистской организации» (Васильков, Сорокина, 2003, с. 268).

Необходимо подчеркнуть, что Ф.И. Щербатской, как и С.Ф. Ольденбург, глубоко понимал всю сложность и драматизм того положения, в котором оказалась отечественная буддология. В ситуации смены государственных приоритетов в развитии востоковедения, социальной ротации научных кадров и насаждения единой теоретико-методологической парадигмы необходимо было сохранить научную школу. В качестве тактического маневра он сделал ставку на исследование письменных источников по тибетской медицине. Но тибетская медицина, вызывавшая ожесточенные споры в российской науке начиная с 1900-х годов, оказалась в начале 1930-х годов под огнем антирелигиозной критики в Бурятии, а затем и в центральной научной печати. В результате идеологической конфронтации прекратила функционировать база экспедиционной работы ленинградских буддологов в Бурятии — школа лам-врачевателей и лечебные учреждения в Ацагате.

С кончиной С.Ф. Ольденбурга, следовавшей в 1934 г., над членами научной школы Ф.И. Щербатского нависла тень подозрений в неформальном сотрудничестве с «националистически настроенным» буддийским духовенством, бежавшим из Бурят-Монгольской АССР в Ленинград. А между тем и А.И. Востриков, и Е.Е. Обермиллер наряду с исследовательской работой в ИВАНе продолжали консультировать группу сотрудников ВИЭМа, заинтересованных в изучении опыта лам-врачевателей и ленинградского мастера тибетской медицины доктора Н.Н. Бадмаева, которому покровительствовали такие влиятельные члены советской политической и военной элиты, как В.К. Блюхер, Г.И. Боккий, Н.И. Бухарин, А.И. Егоров, Н.И. Ежов, М.Н. Тухачевский. До начала массовых репрессий оставалось три года.

Сокращения

А ИВР РАН — Архив ИВР РАН
 АН СССР — Академия наук СССР
 ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины
 Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
 ИНБУК — Институт буддийской культуры
 НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
 НКВД — Народный комиссариат иностранных дел
 СПбФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
 Центархив — Центральный архив, ныне Государственный архив РФ
 ЦИК — Центральный исполнительный комитет

Литература

- Академия наук в решениях Политбюро ВКП(б). 1922–1952 / Составитель В.Д. Есаков. М., 2000.
- Андреев А.И.* Агван Доржиев и судьба буддийской религии в СССР // Реверс. Философско-религиозный и литературный альманах. СПб., 1992. С. 198–209.
- Анциферов Н.П.* Из дум о былом. М., 1992.
- Базаров Б., Шагдаров Ю.* Агван Доржиев. Последние годы жизни // Байкал. 1991, № 3. С. 121–127.
- Васильков Я.В.* Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И. Щербатского. Вступительная статья // Восток–Запад. Исследования. Переводы. Публикации. Вып. четвертый. М., 1989. С. 178–223.

- Васильков Я.В., Сорокина М.Ю.* Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период. 1917–1991. СПб., 2003.
- Вигасин А.А.* Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.
- Грекова Т.И.* Тибетская медицина в России. История в судьбах и лицах. СПб., 1998.
- Каганович Б.С.* Сергей Федорович Ольденбург. Опыт биографии. СПб., 2006.
- Конрад Н.И.* О Федоре Ипполитовиче Щербатском // Индийская культура и буддизм. Сб. статей памяти академика Ф.И. Щербатского. М., 1972. С. 3–11.
- Луначарский А.В.* К 200-летию Всесоюзной Академии Наук // Новый мир. 1925, № 10. С. 106–117.
- Лысенко В.Г.* Ф.И. Щербатской и О.О. Розенберг о сравнительном методе в буддологии. Двойной портрет на фоне эпохи // Русская антропологическая школа. Труды. Вып. 4 (ч. 2). М., 2007. С. 100–138.
- Майзель С.* 13 лет академической арабистики // Советская этнография. 1931, № 3. С. 251–257.
- Нестеркин Н.С.* О двух направлениях развития в обновленческом движении российского буддизма // Humanistic Base Texts and the Mahāyāna Sūtras. Studia in honorem Xinnart Mall / Editor Märt Läänemets. Tartu, 2008. С. 249–268.
- Новичев А., Кокин М., Смирнов Д.* Против реакционного востоковедения // Проблемы марксизма. 1931, № 8–9.
- Ольденбург С.Ф.* Восток и Запад в советских условиях. М.–Л., 1931.
- Ринчино Э.Д.* Документы. Статьи. Письма. Улан-Удэ, 1994.
- Семичов Б.В.* Тибетская медицина в Бурят-Монгольской АССР // Советская этнография. 1932, № 5/6. С. 216–228.
- Семичов Б.В.* Тибетская медицина как оружие в руках бурятского ламства // Против религиозных пережитков. Сб. статей. Улан-Удэ, 1960. С. 50–65.
- Стеклов В.А.* Воспоминания / Публ. В.С. Соболева // Научное наследие. СПб., 1991, т. 17. С. 235–299.
- Струве В.В., Муратов Х.И., Кальянов В.И.* Институт востоковедения // Вестник АН СССР. 1937, № 10–11. С. 266–279.
- Тогмитов Б.Д.* Современный ламаизм в Бурятии и задачи дальнейшей борьбы с ним. Верхнеудинск, 1932.
- Харахинов М.К.* Медицинская литература о Бурятии в свете письма т. Сталина // Культура Бурятии. № 1932, № 4. С. 16–21.

Summary

E.P. Ostrovskaya

Leningrad Buddhist Studies in the Beginning of the 1930s

The paper deals with the process of the destruction of classic Buddhist studies that took place in the Academy of Sciences of the USSR in the early 1930s. Such outstanding scholars as Th. Stcherbatsky and S. Oldenburg, as well as the representative of clergy A. Dorjiev, were part of the preservation of the Buddhist studies from complete destruction. They had a fundamental task: to reform the Buddhist studies in order to enable it to develop in a new social and cultural environment — in the Soviet culture of Russia.